

УДК 930.25

Бессолицын Александр Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, Центр экономической истории Институт истории Российской академии наук, г. Москва, Россия

e-mail: a_bessolitsyn@mail.ru

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ПЕРСОНАЛЬНОГО ПЕНСИОНЕРА СССР А.А. ХАНЖОНКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. В статье на основе Личного дела персонального пенсионера союзного значения А.А. Ханжонкова, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), а также извещений Центрального комитета профсоюза кино-фото-работников, Комиссии по установлению персональных пенсий и Комитета по делам кинематографии, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), проанализирован комплекс документов, раскрывающих детали назначения основателю первого отечественного акционерного общества в сфере кинематографии («А.А. Ханжонков и Ко»), персональной пенсии, что явилось заслуженным признанием со стороны Советского государства его вклада в развитие российского кинематографа.

Ключевые слова: А.А. Ханжонков, В.Д. Попова, акционерное общество, киноиндустрия, персональный пенсионер.

Bessolitsyn Alexander Alexeevich, doctor of economic sciences, professor, Center of Economic History, Institute of History of Russian Academy of Sciences, Moscow.

e-mail: a_bessolitsyn@mail.ru

PERSONAL FILE OF INDIVIDUAL PENSIONER IN USSR A.A.
KHANZHONKOV AS A HISTORICAL SOURCE

Preface. The article contains an analysis of a number of documents based on the Personal file of the individual pensioner of union's importance A.A. Khanzhinkov stored in the State Archive of the Russian Federation (SA RF), as well as the notifications of the Central committee of the professional Union of cinema and photo workers, Committee for the establishment of personal pensions and Committee for cinematographic affairs stored in the Russian State Archive of Literature and Arts (RSALA), revealing the details of assigning an individual pension to the founder of the first Russian joint stock company in the sphere of cinematography ("A.A. Khanzhonkov & Co."), which was a well-deserved recognition of his contribution to the development of the Russian cinematography from the Soviet state.

Key words: A.A. Khanzhonkov, V.D. Popova, personal file, individual pensioner.

Первой полностью отечественной компанией в сфере киноиндустрии в России явилось Акционерное общество «А.А. Ханжонков и Ко», которое развилось постепенно из небольшой торгово-комиссионной конторы, поставлявшей на российский рынок фильмы и аппаратуру европейских предприятий. Торговый дом А. Ханжонкова был учрежден в 1906 г. и в 1912 г. преобразован в Акционерное общество с капиталом в 500 тыс. руб. [6, л. 64-65]. В 1916 г. основной капитал Общества был увеличен до 1,5 млн. руб. путем выпуска 1000 акций на 250 тыс. руб. в виду приобретения Обществом недвижимого имущества в Москве [6, л. 137, 152]. Согласно отчета Правления за 1916 г. акционерам было выплачено по дивидендам 125 тыс. руб. (по 25 руб. на один купон 1916 г.) и еще 12,5 тыс. руб. выплачено дополнительно за 2-е полугодие 1916 г. [5, д. 9, л. 11-12].

Февральская революция 1917 г., казалось бы, открывала новые перспективы для развития Акционерного общества, однако, как позднее

напишет сам Ханжонков: «После Февральской революции в кинопромышленности началась какая-то лихорадочная деятельность. Создавались новые торговые дома: «Кинопосредник», «Питер-фильм», «Бишов и Ширман», «Рессье и Блажевич», а за ними товарищества: «Обновление», «Свобода» и «Химера», которые просуществовали недолго и были поглощены крупным, вновь образованным предприятием «Нептун» [7, с. 111]. Фирма Ханжонкова в эту деятельность вписаться не смогла и весной 1917 г. он переезжает в Крым, где строит новую киностудию, которую называл Ялтинский «Голливуд» [7, с. 118].

Тем не менее, его попытка начать работу на Ялтинской киностудии не увенчалась успехом. Власть в Крыму после Февраля 1917 г. начала быстро меняться. Только за период с начала 1918 г. по конец 1920 г. там сменилось не менее шести правительств и в ноябре 1920 г. окончательно была установлена Советская власть [2, с. 409-457]. Понятно, что в таких условиях организовать кинопроизводство было практически невозможно. Ханжонков напишет в своих воспоминаниях: «... уже к концу 1919 г. кривая расцвета ялтинской кинопромышленности стала быстро падать. Продавать картины было некому. Эксплуатировать их также было негде, так как все ближайшие районы были охвачены войной» [7, с. 126]. Это стало началом конца русской дореволюционной кинематографии.

Сам Ханжонков осенью 1920 г. вместе с семьей был вынужден эмигрировать из Крыма официально для лечения. Однако наладить кинопроизводство сначала в Австрии, а потом в Германии у него не получилось и в конце 1923 г. по приглашению заведующего Госкино Л.А. Либермана он возвращается в Советскую Россию, правда уже без семьи, которая осталась в Берлине. Его новым местом работы стало акционерное общество «Руссфильм», но вскоре Ханжонков назначается заведующим производством и директором фабрики «Пролеткино». Правда на этой должности он проработал также недолго. Как он объяснял сам в письме к Б.С. Шумяцкому: «Общество «Руссфильм» вследствие невыполнения частным капиталом своих

обязанностей, не состоялось, и я, оставшись без работы, принял предложение заведывать производством в акционерном обществе «Пролеткино». Предприятие это оказалось совершенно нежизнеспособно, мои предложения реорганизовать дело остались без результатов потому, и я в 1925 г. принужден был оставить эту службу ...» [5, оп.2, д.1, л. 1].

В 1926 г. уже прикованный к инвалидному креслу Ханжонков был арестован по сфабрикованному делу о казнокрадстве. После того, как его показательно приговорили к 6 месяцам тюрьмы, а затем сразу же амнистировали в зале суда, но при этом лишили гражданских прав, он вынужден был покинуть столицу уже навсегда и переехать в Ялту.

После смерти первой жены – Антонины Николаевны (умерла 29 июля 1925 г.), Ханжонков женится на Вере Дмитриевне Поповой (1892-1974 гг.), работавшей на кинофабрике «Бр. Пате», а потом монтажницей на ханжонковской фабрике на Житной [4, с. 169]. В Ялте найти работу Ханжонкову не удалось, поскольку его киностудия была национализирована и на работу его не взяли.

5 июня 1931 г. Центральная избирательная комиссия восстановила Ханжонкова (по его просьбе) в правах голоса с формулировкой «как работающего на улучшение кинематографии», признав эту работу общественно-полезной [5, д. 3, л. 1]. В марте 1934 г. Ханжонков написал письмо руководителю Советского кинематографа, Б.С. Шумяцкому, в котором обратился к нему за помощью, мотивируя это решение тем, что его положение «в моральном и материальном отношении стало невыносимо». Более того, как пишет Ханжонков: «... даже моей жене В.Д. Поповой, совершенно самостоятельной киноработнице, со стажем с 1910 г., вышедшей за меня замуж в 1925 г., ставится в вину это замужество. НКРКИ (Народный Комиссариат рабоче-крестьянской инспекции – А.Б.), после чистки восстановил мою жену на работе, но все же ей и в дальнейшем пришлось подвергаться, как жене Ханжонкова, сокращениям со всеми последствиями вынужденной безработицы ... под гнетом такого несправедливого и ничем не заслуженного к себе

отношения я нахожусь уже 10 лет и доведен до состояния, граничащего с нищенством». Он попросил Шумяцкого помочь ему «войти в рабочую семью Советской кинематографии полноправным ее членом» [5, л. 1-2 об.].

Результатом данного обращения стало решение Центрального комитета профсоюзов кино-фото-работников, Комиссии по установлению персональных пенсий и Комитета по делам кинематографии о назначении А.А. Ханжонкову персональной пенсии [5, д. 6, л. 1].

Обстоятельства назначения этой пенсии и, особенно, дискуссия развернувшаяся в связи с этим решением и являются целью данной статьи, поскольку сведения, содержащиеся в «Личном деле персонального пенсионера А.А. Ханжонкова», до последнего времени не были введены в научный оборот, так как само дело, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) было практически недоступно исследователям. Дело включает 48 листов и содержит ряд документов, позволяющих раскрыть механизм работы комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР, а также получить дополнительные сведения, как о личности самого Ханжонкова, так и о его второй жене В.Д. Поповой¹.

Кроме того, в статье использованы документы советского периода, хранящиеся в Фонде А.А. Ханжонкова, находящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), которые также содержат переписку относительно восстановления персональной пенсии уже после освобождения Крыма в 1944 г.

Из личного дела следует, что по итогам работы комиссии было издано Постановление по назначению с 15 января 1935 г. А.А. Ханжонкову персональной пенсии в размере 350 руб. за личные заслуги и в связи с 30-летием деятельности в области отечественной кинематографии, а также за научные и литературные труды².

¹ Личное дело № 404-с. Ханжонков А.А. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10249. Оп. 3. Д. 459. Л. 1-48.

² Постановление Центральной Комиссии по назначению персональных пенсий и пособий // ГА РФ. Ф.10249. Оп. 3. Д. 459. Л. 14-14 (об).

Данное решение, уже после того, как оно вступило в законную силу, вызвало недовольство некоторых бывших коллег Ханжонкова по кинематографическому цеху. В декабре 1939 г. известный партийный и общественный деятель, а в прошлом фотограф и кинооператор направил в адрес заместителя Предсовнаркома СССР Р.С. Землячки письмо, где назвал Ханжонкова «кинотузом», который когда-то лично эксплуатировал автора данного послания. Автор письма замечает: «Мы рабочие кино вели войну с этими господами...». Более того, он обвинил Ханжонкова в сопротивлении мероприятиям Советской власти в период, как он пишет «... первоначального развития советского кино до 1926 г.» [1, л. 7-8].

Хотя конкретных фактов подобного сопротивления автор не приводит, но он делает попытку обвинить Ханжонкова в обмане Советской власти указывая на то, что, тот не только не заслуживает персональной пенсии, но и не нуждается в этом, поскольку, «... у Ханжонкова на его имя или на имя жены Веры Дмитриевны Поповой имеется дом в Ялте, который приносит некоторый доходишко» [1, л. 7]. В заключении автор письма высказывает надежду, что его сообщение «... не получит широкой гласности в кино-учреждениях, т.к. я испытывал не один раз неприятность за то, что помогал давать материалы аналогичного порядка ...» и добавляет, «хотя я не из трусливых людей если надо сообщу более подробно» [1, л. 7].

Надо отметить, что действительно А. Ханжонков после переезда в Ялту в 1917 г. помимо строительства павильона Ялтинской киностудии, приобрел для себя и своей семьи 2-х этажный особняк на улице Боткинской 15, общей площадью 917 кв. м., но после революции этот особняк, как и киностудия были национализированы. И Ханжонков вместе с женой (к тому времени Вера Попова) вынуждены были ютиться в коммунальной квартире по адресу Севастопольская 7. Правда у них был отдельный вход через проходную комнату, где жила еще одна пожилая женщина. Именно этот адрес был указан в Личной карте Ханжонкова, а также в автобиографии, написанной им 9 ноября 1938 г. и хранящейся в его архивном деле [1, л. 11].

В этой автобиографии Ханжонков отмечает, что он женился 23-х лет на окончившей гимназию бедной девушке по фамилии Баторовская [1, л. 11]. Здесь он явно лукавит, поскольку его первая жена отнюдь не была бедной девушкой, а наоборот - Антонина Николаевна Баторовская происходила из Московского купеческого сословия и по разным данным, то ли была дочерью губернского секретаря, то ли владельца магазина швейных машинок «Зингер» и являлась компаньоном Торгового дома «А. Ханжонков и Ко», который был открыт Ханжонковым в 1906 г. В своих мемуарах Ханжонков очень высоко оценивал заслуги первой жены, отмечая, что «... моя жена также была избрана в члены правления, но не потому, что была близким мне человеком. По отзывам всех сотрудников нашей фирмы она была активным работником в деле и хорошо его знала, участвуя во всех стадиях его развития» [7, с. 68].

Возвращаясь к письму бывшего коллеги Ханжонкова. Из личного дела следует, что данное письмо 29 декабря 1939 г. было перенаправлено по указанию Р.С. Землячки, Председателю комиссии по назначению персональных пенсий тов. Забелинскому для рассмотрения на заседании Комиссии [1, л. 11]. Сложно сказать состоялось, ли заседание, во всяком случае в Личном деле упоминания об этом нет, но 24 мая 1941 г. за подписью заведующего отделом персональных пенсий НК СО РСФСР в адрес Ялтинского городского отдела социального обеспечения было направлено послание с просьбой обследовать семейно-материальное положение персонального пенсионера союзного значения А.А. Ханжонкова, проживающего в г. Ялта, Севастопольская, 7. При этом следовало установить «Имеется ли в г. Ялта у него или его жены собственный дом и если имеется, то получают ли они от него какой-либо доход» [1, л. 1].

Судя по тому, что пенсия Ханжонкову была сохранена, то найти какого-либо дополнительного дохода у четы Ханжонковых не удалось. Впрочем, это письмо было подписано 24 мая 1941 г., а уже в октябре 1941 г. началась оккупация Крыма немецко-фашистскими войсками, поэтому вполне возможно, что письмо просто не дошло до адресата. Во всяком случае после войны к нему

не возвращались, хотя действительно в период оккупации, немецкий комендант Ялты, узнав, что такой знаменитый человек погибает почти что в трущобе, велел переселить семью кинематографиста в особняк на улице Боткинской, 15, где ему была выделена квартира. Именно в этой квартире Ханжонков и умер в сентябре 1945 г. [8, с. 1]. Однако в переписке Комитета по делам кинематографии и управления Ялтинской киностудии о продовольственном снабжении и оказании денежной помощи А. Ханжонкову после освобождения Крыма в 1944 г. указывается несколько иной адрес его проживания – Боткинская, 25 [5, д. 5, л. 1].

В личном деле Ханжонкова хранится еще одно письмо бывшего работника советской киноиндустрии, направленное в адрес Народного комиссара по социальному обеспечению. Письмо датировано 13 мая 1941 г., но скорее всего оно написано раньше, поскольку на это письмо есть развернутый ответ Председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР Ивана Большакова, направленный 28 марта 1940 г. в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР.

Автор письма, также бывший работник киноиндустрии, заявлял, что Ханжонков недостоин персональной пенсии, поскольку был «самым богатым кинематографистом». А кроме того, «... в период Октябрьской революции он возглавил контрреволюцию 26-ти кинематографических предприятий России». Поэтому назначение Ханжонкову персональной пенсии «это недопустимая ошибка, т.к. он эксплуататор, миллионер, а не изобретатель, новатор и специалист» [1, л. 2-3].

В связи с этим надо отметить, что ни в какой контрреволюционной деятельности Ханжонков не участвовал, более того, он покинул Москву еще весной 1917 г., а забастовки рабочих на 8-ми кинофабриках, в том числе и на фабрике Ханжонкова, начались в июле 1917 г. [3, с. 222]. Поскольку данное письмо было перенаправлено Председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, то в ответном письме в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР И.Г. Большаков дал на него

развернутый ответ, в котором указал, что Акционерное общество «А.А. Ханжонкова и Ко» просуществовало с 1906 по 1917 гг. в Москве и с октября 1917 по 1920 гг. – в Ялте. При этом в письме содержалась, как критика деятельности Ханжонкова в дореволюционный период, так и отмечались его заслуги и достижения. В частности, Большаков указал, что: «Деятельность Ханжонкова была не чужда шовинистических тенденций, но, с другой стороны, его исторические фильмы «Русская свадьба XVI столетия», «Царь И.В. Грозный», «Оборона Севастополя», «1812 год» и др. сыграли важную роль в утверждении отечественного кинематографа и в вытеснении иностранной продукции» [1, л. 6]. При этом большинство картин, по его мнению, «являлись пошлейшими мелодрамами». Тем не менее, Большаков отметил, что «среди других предпринимателей Ханжонкова выделяла любовь к делу, знание кинематографа и забота о его развитии. Он первым среди русских предпринимателей занялся производством научно-популярных, документальных и мультипликационных фильмов, несмотря на то, что они давали убыток. В этом было просветительское значение его деятельности» [1, л. 5-6]. Поэтому при назначении персональной пенсии была учтена его полезная деятельность по развитию русской кинематографии и участие в работах советской кинопромышленности. Исходя из всего сказанного, Большаков не усматривал оснований к лишению Ханжонкова пенсии [1, л. 5].

В советское время съемочная база Ханжонкова в Ялте была преобразована в Ялтинскую киностудию, где работала монтажницей его вторая жена Вера Дмитриевна Попова. Во время оккупации Крыма немецкими войсками в 1941-1944 гг. он, прикованный к инвалидному креслу, оставался на оккупированной территории в Ялте, при этом сумел дожить до победы в войне. После освобождения Крыма от немецкой оккупации, вновь возник вопрос уже о восстановлении персональной пенсии, поскольку на оккупированной территории она не выплачивалась.

3 мая 1944 г. Ханжонков пишет новое заявление в Наркомсобес по вопросу восстановления пенсии. В заявлении он отмечает, что «в период

оккупации немцами Крыма ни я, ни моя жена не нашли для себя возможности нести какие-либо служебные обязанности, хотя она, как говорящая по-немецки, неоднократно имела предложения поступить в переводчицы. Такое состояние в течение 2-х с половиной лет привело нас к крайней бедности: чтобы как-либо поддержать свое существование мы принуждены были продавать или обменивать на продукты все свои вещи. Мы хронически не доедали и очень ослабели. В таком же тяжелом положении я нахожусь и в настоящее время, а поэтому убедительно прошу восстановить мне персональную пенсию» [1, л. 15].

В ответ на это письмо Управделами Совнаркома СССР Я. Чадаев в ответном письме на имя председателя Наркомсобеса А.Н. Сухова от 7 июля 1944 г., сообщает, что «Совнарком Союза ССР восстановил с 17 апреля 1944 г. выплату персональной пенсии Ханжонкову в размере 350 руб. в месяц» [1, л. 21].

Задержка была вызвана скорее всего тем, что Комиссия по установлению персональных пенсий в телеграмме от 26 мая 1944 г. просила Ханжонкова выслать для оформления пенсии его пенсионную книжку за № 404-с и только после этого обещала рассмотреть вопрос о восстановлении пенсии [5, л. 2-3]. Из этой переписки не ясно нашел ли Ханжонков свою пенсионную книжку сам или Комиссия таковую восстановила, но в телеграмме от 20 июня 1944 г. указывалось, что пенсионная книжка ему выслана [5, л. 4]. Кроме того, начиная с мая 1944 г., пока шел процесс восстановления персональной пенсии, Ханжонкову был выделен так называемый «продлимит» в размере 300 руб., а также единовременная денежная помощь в размере 1000 руб. [5, д. 5, л. 1-8]. Кроме того, в ноябре 1944 г., уже после восстановления пенсии Ханжонкову, его жена Вера Дмитриевна получила карточку и 3 тыс. руб. единовременного пособия [5, л. 8].

После смерти Ханжонкова (26 сентября 1945 г.) Совнарком Союза ССР распоряжением от 1 декабря 1945 г. сохранил Вере Дмитриевне Поповой персональную пенсию как жене умершего кинодеятеля Ханжонкова пожизненно [1, л. 27]. В личном деле также содержится Выписка из Протокола

№ 19 от 24 сентября 1965 г. Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР о рассмотрении ходатайства Государственного комитета по кинематографии об установлении персональной пенсии союзного значения за личные заслуги Ханжонковой (Поповой) Вере Дмитриевне. В этом документе отмечается, что В.Д. Попова, 1892 г.р., «по состоянию здоровья вынуждена оставить работу и получает с 1945 г. за заслуги мужа ... персональную пенсию союзного значения в размере 35 руб. в месяц» [1, л. 48]. По сути это была уже не персональная, а минимальная пенсия, которая выплачивалась в СССР.

К протоколу прилагалось Ходатайство Государственного комитета, в котором отмечалось, что В.Д. Попова работает в системе кинематографии с 1910 г. и является первым русским редактором-монтажером, а позднее руководителем монтажной лаборатории кинофабрики Ханжонкова. Она работала на киностудиях Ялты, Одессы, Киева, а после смерти мужа переехала в Москву, трудилась в Госфильмофонде СССР, осуществила полную обработку всего фонда дореволюционных фильмов, а также продолжала работу по восстановлению и комплектованию целого ряда фильмов [1, л. 47]. Кроме того, вела курс монтажа во ВГИКе, писала статьи об истории кинематографии.

Тем не менее, не смотря на ее очевидные заслуги в сфере кинематографии, было принято решение об отказе В.Д. Поповой в установлении персональной пенсии союзного значения, однако, с 1 сентября 1965 г. размер получаемой пенсии был ей увеличен до 60 руб. [1, л. 47].

Что касается писем, авторы которых требовали отменить назначение персональной пенсии А. Ханжонкову, как несправедливое, то в личном деле сохранилось разъяснение, датированное 1965-м годов, в котором указывается о правильности такого решения. С этим разъяснением авторы писем согласились и официально сняли свои претензии [1, л. 37].

Таким образом, Личное дело А.А. Ханжонкова, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), а также переписка и телеграммы, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и

искусства (РГАЛИ), являются важными историческими источниками, поскольку позволяет уточнить ряд существенных деталей в восстановлении его биографии в последний Советский период. Сам А.А. Ханжонков, несмотря на то, что часть его проектов не реализовались в полном объеме, был несомненно личностью государственного масштаба и совмещал в одном лице предпринимателя и кинодеятеля.

Список источников:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10249. Оп. 3. Д. 459.
2. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. 792 с.
3. Летопись российского кино. 1863-1929 / сост. В.Е. Вишневский [и др.]. Москва: Материк, 2004. 698 с.
4. Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М.: «Материк», 2003. 280 с.
5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). РГАЛИ. Ф. 987. Оп. 1. Д. 6.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 12. Д. 1170.
7. Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии / А.А. Ханжонков. М.: Издательство Юрайт, 2020. 182 с.
8. Царев А.Я. «С Ханжонковым я жил в одном дворе» / А.Я. Царев; беседовал А. Васильев // Литературная газета. 2016. 3-9 марта (№ 9). С. 1.